

Хроники тайной войны

И.Г. Атаманенко



«МЕДОВАЯ ЛОВУШКА»

История

Игорь Григорьевич Атаманенко
«Медовая ловушка».
История трех предательств
Серия «Хроники тайной войны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17045452
«Медовая ловушка». История трех предательств / Атаманенко Игорь: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-5099-0

Аннотация

СССР все семьдесят лет своего существования являлся государством тотального дефицита, однако никогда не испытывал нехватки в одном. В перебежчиках. Но главная угроза для Советского Союза исходила всё-таки не от них, явных изменников, а от так называемых «кротов», внутренних шпионов – сотрудников КГБ и ГРУ, сановных чиновников МИДа, Совета министров и ЦК КПСС, завербованных Центральным разведывательным управлением в качестве секретных агентов. Продавая противнику наши стратегические секреты, они исподтишка готовились к «мягкой посадке» на Западе. Только вот удавалось им это далеко не всегда...

Содержание

Предисловие	4
Книга первая.	5
Глава первая.	5
Глава вторая.	8
Глава третья.	11
Глава четвертая.	14
Глава пятая.	23
Глава шестая.	28
Глава седьмая.	31
Глава восьмая.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Атаманенко

«Медовая ловушка».

История трех предательств

*Моему другу,
летописцу советской внешней разведки
Владимиру Антонову посвящается*

Предисловие

Если не считать исхода евреев из Древнего Египта, ни из одной другой страны мира не бежало столько её граждан, как из Советского Союза.

Бежали все: помощники вождей и балерины, писатели и спортсмены, министры и рабочие. Но то были, так сказать, физические перебежчики. А сколько было духовных, кто по ночам, прильнув к радиоприёмникам, с жадностью внимал каждому слову «Голоса Америки», «Свободы», «Немецкой волны» и «Голоса Израиля», чтобы хоть на час, хоть мысленно, но оторваться, убежать от советской действительности!

И дело не в особенностях менталитета граждан Страны Советов. Отнюдь. Примерно та же картина наблюдалась и в других странах социалистического лагеря.

Кстати, вы никогда не задумывались, почему мы говорили «лагерь социализма», но «мир капитализма»? Может, потому-то и бежали, что социализм был лагерем?..

Проблема перебежчиков достигла критической отметки, когда в стан противника хлынула элита – советские дипломаты, сотрудники КГБ, ГРУ и особо ценные агенты спецслужб – то есть носители самых сокровенных секретов государства.

Однако главная угроза для Советского Союза исходила всё-таки не от них, явных изменников, а от так называемых «кротов», внутренних шпионов – сотрудников КГБ и ГРУ, сановных чиновников МИДа, Совета Министров и ЦК КПСС, завербованных Центральным Разведывательным Управлением в качестве секретных агентов. Продолжая занимать престижные должности в советских синекурах, они фактически работали в пользу США, исправно поставляя своим заокеанским хозяевам сверхценную информацию. Продавая противнику наши стратегические секреты, они исподтишка готовились к «мягкой посадке» на Западе. Это была самая опасная и убыточная для СССР разновидность перебежчиков...

Книга первая. Гималайский роман

Глава первая. Курс на сближение

Столица королевства Непал Катманду лежит в живописной, утопающей в цветах, высокогорной долине в Гималаях. Жизнь коренных обитателей Поднебесья Мира течет, вернее парит, над земной суетой спокойно, размеренно и величаво.

Сегодня верится с трудом, что совсем недавно этот райский уголок представлял собой театр боевых действий, где проходила передняя линия невидимого фронта холодной войны.

Рыцари «плаща и кинжала» из противоборствующих спецслужб превратили этот край обетованный в ристалище для своих тайных дуэлей, плели здесь паутину интриг, а вербовки и похищение секретов, подкуп и измены были повседневной нормой жизни бледнолицых пришельцев с Равнины...

В 1974 году в советскую дипломатическую миссию в Непале на должность атташе по культуре прибыл Леонид Георгиевич Полещук.

Разведчик по профессии, авантюрист и ловелас по жизни, не пропускавший ни одной женской юбки, он очень быстро понял, что в Катманду ему не развернуться.

Его страсть – развлечения, которых в городе, увы, было явно недостаточно, а работавшие в нашем посольстве женщины все, как назло, замужем – не подступиться даже такому искушённому дамскому угоднику и сердцееду, каким был Полещук.

Последнее обстоятельство удручало более всего, потому что год пребывания в Непале разведчик должен был провести без жены, оставшейся в Москве.

Эпизодические набеги в местные дома терпимости удовлетворения не приносили, и свой похотливый взор молодой капитан фокусирует на иностранках, посещающих культурный центр для сотрудников дипломатических миссий, представленных в Непале.

Этот гигантский комплекс, построенный на американские деньги и являвшийся их собственностью, поразил воображение Полещука, парня из страны берёзового ситца.

Бассейн, теннисные корты, летний кинотеатр, видеозал (о видео, этом чуде техники, в Союзе ещё ничего не известно!), бильярд, спортплощадки, школа и поликлиника, куда приезжали лечиться король Непала и члены его семьи. Окружение монарха тоже считало хорошим тоном хоть раз посетить лечебно-оздоровительный комплекс при культурном центре.

Аллеи и постройки утопали в зелени, а аромат огромных, в человеческий рост, алых роз, казалось, пропитывал тебя и твою одежду насквозь.

Территория центра обнесена двумя бетонными заборами с «колючкой», через которую пропущен электрический ток высокого напряжения.

Вход и выход – под объективами видеокамер. Ворота управляются из будок, похожих на армейские доты, в которых сидят американские морские пехотинцы.

Восторг Полещука от увиденной роскоши сменился озлоблением в адрес руководителей КПСС и родного правительства, как только ему стало известно, что месячное жалованье американского сержанта из охраны центра почти в два раза превышает его капитанский оклад. Полещук получал 500 долларов, сержант – 800. Столько же получал глава резидентуры КГБ в Непале, полковник Тимофеев.

Регулярно посещая оазис «сладкой жизни» – культурный центр, Полещук вскоре пере-знакомился со всеми американскими дипломатами.

Это входило в круг его служебных обязанностей. Он для того и прибыл, чтобы изучать персонал дипломатической миссии США в Непале и подбирать среди них кандидатов на вербовку.

В этом обществе, наполовину состоявшем из мужчин, особенно выделялась яркая, чрезвычайно привлекательная блондинка Сэлли Грэйвс, и Полещук сразу увлёкся ею.

Американка вела себя раскованно и, как показалось Полещуку, даже чересчур беспечно для её лет. И хотя разведчик не был новичком на ниве покорения женских сердец, тем не менее наблюдая за американкой со стороны, терялся в догадках, сколько же ей лет.

С одной стороны, «поясок» у подбородка указывал на то, что она уже перешагнула тридцатилетний рубеж. Но с другой...

«Нет-нет, конечно же, ей ещё нет тридцати – столько живости и задора, столько грации в движениях, – с искренним восхищением следя за лёгкой поступью Сэлли, размышлял капитан-повеса. – А как заразительно она смеётся! Да и потом, разве может умудрённая жизнью женщина так по-детски наивно воспринимать простые вопросы?

Безусловно, она моложе меня! – подвёл итог своим рассуждениям Полещук, которому незадолго до прибытия в Непал исполнилось двадцать восемь лет. – Да и какая к черту разница... Любовь ровесников не ищет, поэтому вперёд, Лёня, на приступ! Женщины сдаются лихим гусарам, а не скулящим студентам!..

Стоп! А что если попробовать привлечь её к негласному сотрудничеству? Нет, конечно, не сразу. Сначала определим, чего она стоит как партнёрша в постели. Между забавами выясним, какими возможностями она располагает на службе, а там уж видно будет, стоит ли овчинка выделки – можно ли её использовать в наших интересах... Путь не близкий, но зачем же, сломя голову, напролом устремляться к вершине горы? Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт...

Впрочем, постель сотрудничеству не помеха. Практикуют же французские спецслужбисты интим со своими агентессами, почему бы и мне не взять на вооружение их опыт?

Так, пора переходить от рассуждений к действиям. Сегодня же надо пригласить её в какой-нибудь отдалённый экзотический кабачок... Внимание, она приближается! Лёня, на abordаж!»

Со своей стороны Грэйвс тоже предприняла шаги для сближения с русским атташе по культуре.

Проявив завидную предприимчивость и инициативу, она сделала всё возможное, чтобы оттеснить вероятных соперниц из числа незамужних американок, посещавших центр, и полностью овладеть вниманием новоявленного славянского витязя.

Полещуку и в голову не приходило, что Сэлли, это внешне беззаботное существо, может состоять в штате противоборствующего разведсообщества. А вместе с тем Грэйвс уже девять лет являлась кадровой сотрудницей ЦРУ, сумевшей пробиться в высшие слои этого ведомства не благодаря своей внешности, но исключительно оперативному чутью и трудолюбию.

По заданию своего шефа, руководителя резидентуры ЦРУ в Непале, Джона Беллингхэма, Сэлли приняла приглашение Полещука провести вместе вечер в каком-нибудь престижном столичном ресторане.

После этого они стали регулярно встречаться.

* * *

Любовный роман развивался бурно и стремительно, запросы американки росли с каждым свиданием, и вскоре капитан оказался полным банкротом, денег не хватало даже на прохладительные напитки и сигареты, сплошь американского производства, – ещё один маня-

щий осколок благополучной жизни. С одной оговоркой: благополучной для тех, у кого есть деньги.

И тогда Полещука осенило: он без труда добудет деньги в казино.

Заведение его покорило. Он почувствовал себя своим среди разношерстной, живописной публики, сплошь состоявшей из европейцев и североамериканцев, которые толпились возле зелёных столов, где метался, как сумасшедший, шарик рулетки.

Здесь была та самая атмосфера, для которой, как он считал, он рождён. Атмосфера жизни на час, погони за счастливым мгновением, делающим тебя богатым.

Казино на две недели стало его вторым домом. В надежде ухватить «птицу счастья» за хвост он приходил туда каждый вечер и уходил под утро.

Случайно обломившиеся незначительные суммы жгли ему ладони, и он тут же покупал на них новые фишки – мысль в одночасье разбогатеть превратилась в идею фикс.

Тщетно. Ему чертовски не везло, он проигрался в пух и прах, а между тем новая пассия, Сэлли, становилась всё более привередливой и требовательной – за каждое свидание, начинавшееся в каком-нибудь экзотическом бунгало и заканчивавшееся у неё на вилле, она требовала всё более дорогие подарки.

Чтобы рассчитаться с владельцем казино, а заодно не потерять любовницу, к которой уже успел привязаться, Полещук залез в кассу резидентуры.

Положение стало отчаянным, когда одолженную воровским способом крупную сумму вернуть полностью не удалось даже после продажи дипломату из ФРГ великолепной кинокамеры и фотоаппарата «Зенит».

Обанкротившийся дон-жуан отдавал себе отчёт, что если не найдёт выход из положения, ему, возможно, придётся отвечать не только за растрату денег, предназначавшихся на оперативные расходы...

Глава вторая. Операция «Узы Гименея»

Неожиданно на помощь пришла сама любовница, Сэлли Грэйвс. Её предложение до гениальности просто: тайно обвенчаться в индуистском храме, и с соблюдением строжайшей конспирации, не раскрывая перед окружающими истинного характера своих отношений, жить вместе и, разумеется, иметь общий семейный бюджет.

Идея Полешуку понравилась – он надеялся воспользоваться деньгами американки, чтобы погасить оставшуюся задолженность.

Да и вообще, черт возьми, до чего же изобретательны могут быть порой женщины в своём стремлении заполучить права, хоть и временные, на вожака мужчины!

А в том, что Сэлли влюблена в него, Полешук не сомневался ни на минуту. Да и может ли быть по-другому, если американка сама вызвалась стать его женой, даже не поинтересовавшись ни его семейным статусом, ни сроком его дальнейшего пребывания в Непале. Конечно же, она влюблена по уши!

Высокомерный и заносчивый красавец капитан и мысли не допускал, что его, матерого аса разведки, кто-то может загнать в ловушку в Катманду, в этом Богом забытом уголке мира.

А вместе с тем обворожительная Сэлли, выступая в роли обольстительной приманки для русского разведчика, как раз и выполняла роль медовой ловушки.

Полешук согласился, но с одним условием: венчаться они будут не в Катманду, а в Дели, куда ему предстоит срочно вылететь для встречи с агентом «Шахом», который более двадцати лет работает на КГБ.

«Нет проблем!» – ответила Сэлли и в тот же день приобрела на деньги своего ведомства два авиабилета в Дели...

Бракосочетание происходило в престижном районе индийской столицы Шанти Никитан. Там, в одном из живописных скверов, для этих церемоний сооружен огромный брезентовый разноцветный шатёр, внешне напоминающий цирк шапито.

«Чёрт побери! – завидев храм-шатёр, мысленно воскликнул жених. – Чем-то весь этот спектакль напоминает мне венчания белогвардейских офицеров в походно-полевых условиях Гражданской войны у нас в России... Ну что ж, придётся и мне называть Сэлли “ППЖ” – походно-полевая жена. Нет, скорее, “ПКЖ” – походно-конспиративная жена!»

В роли священника выступал жрец-индус, который, как пояснила Сэлли, за умеренную взятку согласился узаконить тайный брак иностранцев.

Тренированным движением он привязал красивым витым шнуром угол сари, в который была облачена невеста-Грэйвс, к белому шарфу, накинутому на плечо жениха-Полешука.

Затем, громко произнося заклинания на санскрите, он семь раз провёл жениха и невесту вокруг жертвенного огня.

В это время какие-то люди, очевидно, подручные жреца, из крошечной темноты шатра бросали в огонь рис и черпаками плескали туда кокосовое масло – жертвоприношения для богов.

В заключение церемонии жрец на чистейшем английском языке объявил конспираторов мужем и женой, вручил каждому из них по конверту и пригласил к столу, на котором были разложены угощения: выпечка, восточные сладости, фрукты, чай и прохладительные напитки.

Полешук взглядом поискал бутылку виски, к которому успел пристраститься в обществе Сэлли, но затем вспомнил, что индусские свадьбы традиционно безалкогольные.

А жаль, новоиспеченному мужу так хотелось опрокинуть стакан-другой настоящего шотландского вискаря в честь венчания – когда-то ещё можно будет почувствовать себя султаном-многоженцем!

В порыве страсти Полещук всем телом прижался к своей новоиспечённой жене и горячо зашептал ей на ухо:

– Дорогая, а тебе известно, что у индусов существует такое поверье, что смертью мужа боги наказывают жену за её грехи. Поэтому она должна последовать за мужем на погребальный костёр. Этот обычай называется сати, что в переводе с санскрита означает «вечная жена»... Неужели ты об этом не знала, моя милая затейница, когда устраивала наше бракосочетание?

– Мой дорогой, я впервые слышу об этом! Ты находишься в Непале меньше, чем я, а вместе с тем тебе, оказывается, известны такие сенсационные подробности индуистских традиций, как же так?!

– Не забывай, дорогая, что я – атташе по культуре, поэтому изучение традиций индуизма входит в круг моих служебных обязанностей...

Что же касается сожжения жён, то существует два вида сати – «сахамарана» (смерть вдвоём) и «анумарана» (смерть в одиночку).

В первом случае вдова сжигает себя вместе с трупом супруга, во втором – женщину, предварительно накачав наркотиками, сжигают добрые родственники после кремации усопшего. Если же она попытается выскочить из огня, то несчастную оглушают дубинкой... Скажи, ты какой вид сати предпочитаешь?

– После всего услышанного я предпочла бы умереть раньше тебя... А до этого обязуюсь беречь тебя, как зеницу ока. Теперь, насколько я понимаю, это входит в круг моих супружеских обязанностей, не так ли, дорогой?

– Это мне подходит! – весело ответил разведчик, польщённый понятливостью своей подруги-жены.

Выйдя из храма, Полещук первым делом открыл конверт.

Мама моя родная, держите меня семеро! – внутри находилось исполненное на английском языке свидетельство о браке, куда были вписаны истинные анкетные данные разведчика – вопиющая наглость жреца!

Полещук ещё раздумывал, что ему предпринять – вернуться в этот брезентовый храмшапито и демонстративно швырнуть конверт в жертвенный огонь или устроить этому взяточнику-священнику допрос с пристрастием, – как вдруг услышал характерный щелчок замка сумочки, которую Сэлли держала в руках, – там исчез второй экземпляр свидетельства о браке.

Взгляды молодожёнов встретились. В глазах американки полыхал огонь триумфа – игра сделана, теперь ты – мой муж!

Двоеженец понял, кем инициировано письменное оформление их тайных супружеских отношений.

«Но зачем она это сделала? – спрашивал себя Полещук. – Неужели эта великовозрастная дурёха надеется таким способом навсегда привязать меня к себе?! Если это так, то она – святая простота! А если... Нет-нет, без всяких “а если”! Ясно как божий день: девочка влюбилась в меня по уши и начала чудить... Ладно, сейчас мы всё разложим по полочкам!»

Заорав во всю глотку: «Такси!!» – Полещук так резко схватил Сэлли за руку, что та от неожиданности вскрикнула:

– О нет, Леон!

«Ничего, девочка! – подумал разведчик, волоча женщину к проезжей части дороги. – Сейчас ты у меня быстро усвоишь разницу между мною и этими безобидными побирuşками в лохмотьях, которые нас окружают... Я тебе не индус, не сын оборванца Махатмы Ганди,

я – советский разведчик! Сейчас мы тебя быстро расколем, кто тебя надоумил на выписку свидетельства о браке, да ещё и в двух экземплярах!»

Расколоть Грэйвс не удалось даже после второй бутылки виски. Сам же брачный аферист напился так, что, проснувшись поутру в роскошном номере делийского «Хилтона», долго не мог сообразить, где находится и что это за женщина, которая обнажённой лежит рядом...

В голове с грохотом перекатывались бильярдные шары похмелья, настроение встречаться с «Шахом» пропало напрочь, и Полещук не нашёл ничего лучшего, как отказаться от намеченной явки и продолжить возлияния по случаю бракосочетания в каком-нибудь приличном кабаке.

Тем более что Сэлли выразила готовность оплатить все прихоти своего новоиспеченного мужа:

– Ты такой забавный, Леон, когда выпьешь! Ты произносишь удивительные слова. Комплименты, которых мне никогда и ни от кого не доводилось слышать... Вообще я заметила, что все славяне отличаются утонченностью, естественностью, даже самые несчастные из них незаурядны.

Полещук хотел было спросить, где и когда Сэлли успела пообщаться со славянами, чтобы так глубоко познать их психологию, но в постпохмельном бессилии не в силах был пошевелить языком...

В последующем, начиная со дня делийского бракосочетания, все расходы по закупке спиртного возьмет на себя Грэйвс. Вернее, ведомство, к которому она принадлежит. И ведь было из-за чего!

В доставляемые Сэлли напитки спецы из ЦРУ регулярно подмешивали препарат под названием «сыворотка истины», которая притупляет мозговые центры, отвечающие за самоконтроль, «разжижает» волю, вынуждая подопытного к произвольным высказываниям. Разведчице оставалось только направлять их уточняющими вопросами в нужное русло, а американским «слухачам» – записывать разглагольствования захмелевшего Полещука.

Таким образом Беллингхэм вскоре узнал очень много нового о советской резидентуре, её составе и о взаимоотношениях между советскими разведчиками, действовавшими в Непале.

* * *

Перед отлётом из Дели разведчики заехали каждый в своё посольство.

Сэлли Грэйвс – чтобы доложить об успешно проведенной операции «Узы Гименя».

Полещук – чтобы составить телеграмму, в которой сообщил о несостоявшейся явке, обвинив во всём «Шаха».

К известию в московском Центре отнесутся с пониманием, потому что необязательность агентов из числа индусов была общеизвестна. Удивительные люди! Полное отсутствие дисциплины и чувства ответственности перед секретными работодателями у индусов сочетается с внешне ярко выраженным стремлением помочь своему оператору, оказать услугу, сделать приятное и ни в коем случае не отказать в чем бы то ни было.

Перенос явки с «Шахом» устраивал Полещука и по другой причине: чаще ездишь – больше командировочных. А деньги разведчику нужны позарез...

Глава третья. Все дороги ведут в казино

Конспиративный брак и совместное проживание, как и общий бюджет, денег Полещуку не прибавили – Грэйвс оказалась на удивление прагматичной и экономной хозяйкой, ни одной рупии нельзя было потратить без её разрешения.

К чести американки необходимо отметить, что она блестяще справилась со своей ролью обольстительницы и сумела не только сохранить в тайне от «суженого» свою принадлежность к ЦРУ, но и влюбить его в себя. А тот, влюблённый и самонадеянный, так ничего и не заподозрил...

По прошествии медового месяца Полещук понял, что притворный брак с Грэйвс его финансовых проблем не устранил, и, пораскинув мозгами, вновь вернулся к идее сорвать банк в казино.

Он прекрасно помнил, что это заведение однажды уже превратило его в банкрота, однако успокоил себя тем, что две бомбы в одну и ту же воронку не ложатся.

Кроме того, в этот раз он намерен был действовать не очертя голову, но по-чекистски основательно, проработав все возможные варианты и, самое главное, разузнав как можно больше подробностей о своих потенциальных партнёрах по карточному столу – играть в рулетку он себе запретил, чтобы не испытывать более судьбу.

С помощью своих оперативных источников Полещук сначала провёл предварительную рекогносцировку на поле предстоящих сражений. Выяснил, что в казино для игры в очко и баккара регулярно собирается компания, в которую входят «братья по идеологии»: первый секретарь посольства Польши Войцех Каменский, заведующий административно-хозяйственным отделом посольства ЧССР Любомир Гржинек и консул из ГДР Курт Фогель.

Такого подарка от судьбы Полещук давно не получал! Очко и баккара – забавы, которыми он ночи напролёт предавался во время обучения в спецшколе и в коих достаточно поднаторел.

Он виртуозно «заряжал» колоду, то есть умел подтасовывать карты, владел искусством передёргивания, не понаслышке знал многие «мульки» – ухищрения, к которым прибегают карточные шулера.

Всё вместе взятое внушало уверенность, что на этот раз успех ему обеспечен и он обязательно сорвёт куш.

Консул в компании игроков слыл везунчиком, Богом помазанный, удачей помеченный. Там, где другие выбивались из сил, чтобы выиграть толику, ему валом валило.

Чех и поляк игроками были никудышними, поэтому никогда особо не рисковали, метали по-нищенски малыми суммами, рассчитывая не на своё умение, а на удачу.

Кроме восточных демократов в компанию игроков входил ещё один фигурант, чьё хроническое невезение в картах выглядело особо соблазнительно для Полещука. Именно на него он делал ставку, рассчитывая поправить свои финансовые дела.

* * *

Врач из Австрии Бруно Гольдман вносил диссонанс в социалистическое картёжное сообщество. В отличие от своих партнёров, иноверец имел одно существенное преимущество – он имел деньги. Располагая практически неограниченными суммами, он никогда не покидал стола, даже если ему не шла карта.

Случалось, что он продувался до последнего цента (играли только на доллары – местная валюта среди игроков не котировалась), и, по идее, должен был бы прекратить игру ввиду утраченной кредитоспособности, но какое там!

Каждый раз, исчерпав ресурс своего бумажника, Гольдман легко выпрыгивал из кресла и с традиционным возгласом: «Айн момент!» – покидал соратников, чтобы через пятнадцать минут вернуться вновь с деньгами.

Однако главными отличительными чертами доктора являлись его порядочность и обязательность. Хотя Гольдман зачастую и расставался с крупными суммами, он никогда никому не оставался должен. А это и есть первая заповедь, принцип и основа взаимоотношений товарищей по ломберному столу. Карточный долг есть карточный долг. Не отдать его – святотатство, а потребовать его вправе даже последний забулдыга, оборванец с окраины Катманду, что уж говорить о достойных джентльменах – сотрудниках дипломатических миссий, пусть и социалистических стран!

Как стало известно Полещуку, австриец не только проигрывал. Иногда ему шла такая «пруха» – так везло, что всякий раз остальные игроки считали лучшим для себя выходом из положения сказатьсь больными, сослаться на ответственное утреннее совещание и т.д., лишь бы побыстрее завершить турнир.

Но всё-таки чаще Гольдман оставался в проигрыше. И, как правило, выигрывал у него консул.

Однако, судя по всему, этот факт его не очень беспокоил. Что свидетельствовало о том, что ему важен сам процесс, а не результат карточной баталии.

При любом исходе игры он с неизменной улыбкой отдавал или забирал деньги и непременно заказывал для всех по рюмке сухого «мартини».

Никого из партнёров не интересовало, где доктор брал деньги, хотя они и подозревали, что их происхождение не совсем безупречно, а может быть, и незаконно.

По одной из версий, о которых русскому разведчику доложила агентура из числа местных жителей, Гольдман подпольно абортировал состоятельных аборигенов. По другой – кроме основной профессии он являлся скупщиком опийного мака, переправлявшим сырьё в европейские лаборатории для переработки в героин.

Впрочем, никто из его партнёров не пытался найти подтверждение или опровергнуть эти версии, о которых им также было известно. Какая им польза от этих подозрений, если у каждого из них были свои тараканы на кухне и свой «скелет в шкафу»?

Гржинек приторговывал чешским хрусталём, в основном люстрами, которые у местной знати пользовались огромным успехом.

Каменский делал бизнес на дешёвых польских лекарствах и янтаре, который под видом «осколков Луны» шёл нарасхват.

Как ни странно, лишь консул ничем не торговал. Впрочем, ничем, кроме въездных виз в ГДР, у него возможностей торговать не было. Но кому они здесь, в Непале, да и вообще в мире, нужны? Непальцев, желающих взглянуть вблизи на «витрину социализма», Полещук что-то не встречал. Поэтому наличие свободных денег в кармане гэдээровского дипломата капитан для себя объяснил просто: Фогель – платный агент «Штази», Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики.

«Раз у консула водятся деньжата, которых хватает на картёжные забавы, – рассуждал Полещук, – значит, он подключен к какой-то оперативной разработке. Иначе, на какие бы шиши играл Фогель, ведь у всех гэдээровских дипломатов нищенская зарплата!

Не исключено, что объектом заинтересованности «Штази», по которому работает Фогель, как раз и является Гольдман. Таким образом, если шефу, полковнику Тимофееву, станет известно о моих визитах в казино, я своё присутствие смогу оправдать необходимо-

стью “пощупать за вымя” доктора, чтобы оценить, насколько он может представлять для нас оперативный интерес...

Но пока информация о том, что я посещаю казино дойдёт до резидентуры, я уже успею “высадить” и Гольдмана, и консула из денег.

Выворачивать карманы братьям-демократам я не намерен, и не потому что испытываю к ним чувство идеологической солидарности, отнюдь! Просто с них много не получишь, так как играют они на те деньги, которые эпизодически случается урвать...

Кстати, есть ещё одна причина, почему можно чувствовать себя спокойно в компании братьев по идеологии: они никому не проболтаются, что к игре подключился советский дипломат. Ведь для каждого из них это означает саморазоблачение, ибо откуда ты знаешь, что атташе по культуре посольства СССР посещает казино, если сам там не бываешь? Так что болтовня для них чревата досрочным откомандированием из Непала, – им же категорически запрещено посещать зланные места...

Ну что ж, весь этот расклад меня вполне устраивает, – подвёл итог Полещук. – В общем, смелее в бой, тореадор!»

Глава четвертая. Подслушанная исповедь

Консул первый заметил Полещука, когда тот перешагнул порог кабинета для игры в карты и, как ему показалось, даже заговорщицки подмигнул.

«Очень даже может быть, что он меня узнал, – решил про себя разведчик, – мы же неоднократно встречались на дипломатических приёмах, хотя представлены друг другу не были. Что ж, это знакомство не повредит – если карта не пойдёт, будет у кого перехватить сотню-другую...»

Все встали.

Полещук, чтобы упредить возможный угодливый жест Фогеля, поспешил представиться сам. Таким образом разведчик дал знать консулу, что их знакомство должно остаться тайной для остальных партнёров.

Чех и поляк, узнав, что вновь прибывший – советский дипломат, то есть «старший брат», от которого можно ожидать любого подвоха, поостереглись оглашать свои титулы, назвав только свои имена.

По окончании церемонии рукопожатий и дежурных улыбок русскому дипломату предложили занять место за столом и взять карту.

Предложение прозвучало сигналом, что он принят в компанию сразу и без предварительных условий – так наркоманы со стажем охотно делятся с новичком своей дозой зелья, чтобы покрепче пристегнуть его к своей колеснице...

Однако сегодня Полещук не намерен был бросаться в воду, не зная броду, а пункт за пунктом реализовать заготовленный план.

– Господа, – обратился капитан к собравшимся так, будто и не ведал, что перед ним почти сплошь «товарищи», а не господа, – я просто хотел понаблюдать за игрой... С вашего позволения, конечно!

– Appetit приходит во время еды, господин атташе, – произнес Гольдман, – боюсь, что у вас он может появиться именно в тот момент, когда яства на столе закончатся...

– Что ж, в таком случае я не премину явиться к следующей обедне, – парировал Полещук.

Собравшиеся ответили на реплику дежурными улыбками. Полещук, чтобы ускорить процесс сближения, придвинулся к столу и стал наблюдать за игрой, исподволь присматриваясь к игрокам.

Начал с консула, который своими барскими манерами и обстоятельностью значительно отличался от своих компаньонов.

Высокий, худощавый, пятидесятилетний мужчина, с благородными чертами лица, с рыжеватой, уже седеющей шевелюрой и подстриженными на английский манер усиками, консул в своём строгом темно-коричневом костюме напоминал Полещуку университетского профессора, экзаменующего нерадивых студентов. Впечатление дополнял взгляд Фогеля. О, это был взгляд человекаведа и... актёра одновременно! В его серо-зелёных глазах поочередно сменялась целая гамма эмоций: цепкие и хищные, они в одно мгновение могли стать ироничными и даже обволакивающе нежными. Странно, но при этом выражение лица оставалось неизменно бесстрастным.

Гржинец был полной противоположностью консула.

«Рожа никудышняя, ни носа, ни глаз, – отметил про себя Полещук, – никакого выражения – петля от наволочки, да и только. С такой внешностью тебе бы, пан Мирослав, не дипломатом – сыщиком в “наружке” служить: пройдёшь рядом – никто и не заметит...»

Первый секретарь польского посольства Каменский производил отталкивающее впечатление: непропорционально большая голова с огромными залысинами раскачивалась на длинной шее, прикреплённой к щуплому, по-детски хрупкому телу с короткими кривыми ножками. Его надутые пухлые губки демонстрировали преждевременную обиду на весь окружающий мир.

«Ницше, вылитый Ницше! Горба на спине ему не хватает и... ума! А в остальном... Да и закомплексованность – та же. Вообще, давно замечено: чем меньше человек, тем больше его комплексы», – сделал заключение Полещук, понаблюдав за поляком.

Однако самой колоритной фигурой в компании был Гольдман.

Атлетического сложения при росте 180—185 см, тридцати лет от роду, он был воплощением красивого молодого арийца, прообразом «белокурой бестии».

Полещук вдруг представил Гольдмана в форме офицера СС, с автоматом в руках позирующим фотографу на фоне виселицы, где раскачиваются окоченевшие трупы партизан.

Ещё через секунду разведчику пришло в голову, что доктор одинаково впечатляюще смотрелся бы и во фраке за дирижерским пультом.

«Удивительно многогранная внешность! – подумал Полещук. – Доктор с одинаковым успехом может сойти и за преуспевающего бизнесмена, и звезду киноэкрана, и молодого посла какой-нибудь европейской державы...

Да, пожалуй, Гольдман своей внешностью, манерами, лоском более других присутствующих соответствует образу дипломата... Нет, скорее английского аристократа эпохи Оскара Уайльда... А эта его мальчишеская чувственность с намеком на бисексуальность! Она наверняка сводит с ума и женщин балзаковского возраста, и нимфеток, и мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации... Интересно, кому из них большее предпочтение отдаёт доктор? Ладно, события покажут!»

Посидев минут десять и отразив ещё несколько пикировок доктора, чем навлёк на себя очевидную неприязнь консула, Полещук решил, что настал момент приступить к реализации второго пункта плана: пора вводить в действие «секретное оружие».

За глаза люди о тебе высказываются куда как свободнее и откровеннее, нежели в твоём присутствии. Надо было немедленно «снять информацию» – выяснить реакцию компании на своё неожиданное появление, чтобы знать, как вести себя в дальнейшем.

С этой целью перед визитом в казино Полещук оснастил свой портфель микрофонами, магнитофоном и ретрансляционными приборами. Второй блок шпионской аппаратуры, работавшей на приём, он рассовал по карманам пиджака.

Выразительно посмотрев на часы, разведчик поднялся:

– Прошу прощения, господа, мне срочно надо позвонить в посольство... Телефон, если не ошибаюсь, находится в холле, не так ли?

Интернациональная бригада картёжников в один голос ответила по-английски: «Да!»

Лишь консул, делая вид, что всецело поглощён игрой, ещё больше нахмурил брови и сосредоточенно смотрел в свои карты.

Поведение Фогеля не осталось незамеченным.

«Да ты, старина, никак приревновал меня к доктору! – догадался Полещук. – Успокойся, партайгеноссе Фогель, вот вернусь, и ты свою порцию внимания получишь сполна... Сегодня я вас, тебя и доктора, постоянно буду держать под прицелом, вы оба – мои клиенты в предстоящей игре!»

Разведчик поставил портфель на стул, чтобы случайный посетитель не занял его место, и быстро покинул кабинет, ставший теперь студией звукозаписи и вещания.

Двигаясь в сторону туалетной комнаты, которая на ближайшие десять—пятнадцать минут должна была стать его базой по аккумулярованию информации, Полещук на ходу

оголил антенну, спрятанную в нагрудном кармане пиджака, а в ухо вставил миниатюрную капсулу, заменявшую громоздкий и бросающийся в глаза наушник.

«Эх, судьба разведчика! – заулыбался от неожиданно пришедшей мысли Полещук. – Даже отхожее место в случае необходимости надо уметь превратить в исповедальню... И откуда только не приходится черпать информацию!

Ну, давайте, хлопцы-дипломаты, начинайте исповедоваться, выкладывайте всё, что у вас на душе – я, как духовник, готов принять все ваши сокровенные тайны! А грехи я буду отпускать вам за ломберным столом в соответствии с вашей искренностью...»

Закрыв дверь кабинки на щеколду, Полещук поудобнее уселся на унитазе и стал вслушиваться в реплики, которыми обменивались игроки.

После его ухода они должны были почувствовать себя в безопасности, и, по расчётам капитана, хоть чуть-чуть, но пооткровенничать – остались-то все свои.

Ждать пришлось недолго. Уже через минуту перестала звучать картёжная терминология, прекратилось и шуршание сдаваемых карт. Судя по всему, компаньоны приостановили игру, чтобы обсудить более важное событие: появление незваного гостя.

– Этот русский, он же – черт из катапульты! – вскричал поляк. – Нигде от них спасу нет!..

– А что, собственно, произошло, пан Войцех? – Полещук узнал голос консула. – Вам-то чем русские насолили? Через год вы в обнимку с ними будете праздновать тридцатилетие победы над Германией... Что-то я не совсем вас понимаю...

– Да ведь все русские, как один, работают на КГБ... Вы разве не знаете этого, герр Фогель? Он наверняка подослан сюда! – настаивал поляк. – Он же нас всех «заложит», этот Леон! И тогда прости-прощай Гималаи, Непал... А у меня ещё столько янтаря на подходе...

– Ну и что вы предлагаете, пан Каменский? Уж не хотите ли вы, чтобы я на правах главного разводящего в игре выпроводил его отсюда? – парировал консул.

– Нет-нет, герр Фогель, ни в коем случае... Я просто хотел узнать мнение присутствующих, не более... Нам надо выработать какую-то общую стратегию поведения в отношении русского...

Предложение чешского дипломата звучало более радикально:

– Слушайте, господа, а что, если мы его подкупим, а?

– Вы предлагаете дать ему взятку, так что ли надо вас понимать, пан Любомир?! Да он швырнёт вам в лицо ваши же деньги! – запротестовал Каменский.

– Пан Войцех, вы, как обычно, бежите впереди лошади... Подкупить, дать взятку можно по-разному... Можно это сделать так, как предлагаете вы...

– Я?! Я до такого абсурда ещё не дошёл! Вы за кого меня принимаете, пан Любомир?! Я, видите ли, предложил дать русскому взятку! Вы, именно вы, предложили это сделать, а не я!! – возмущению поляка не было предела.

– Совершенно верно, пан Войцех, именно я предложил подкупить русского, но подкуп осуществить не в лоб, а исподволь... – нисколько не смутившись под натиском Каменского, спокойно произнёс чех. – Скажем, проиграть ему энную сумму, а? После этого у него пропадёт всякое желание докладывать в КГБ о том, что мы здесь собираемся... Ну, каково?

– Ну что ж, это неплохая идея, – откликнулся консул. – Можно считать, что у нас уже наметился запасной вариант нейтрализации русского. Только вот в чём загвоздка, господа. Мы ведь ни разу не видели его в деле. А что, если он из разряда «везунчиков», что, если ему карта валом валит, или, того хуже, он – шулер, а? В таком случае мы с вашим «подкупом исподволь», пан Гржинец, не то что в луже – в заднице окажемся! Молчите? То-то же! Надо сначала дать ему сыграть, предоставить возможность проявить себя, а потом уже хвататься за головы или... за бумажники!..

Вы-то почему молчите, герр Гольдман, будто вы не из нашей команды? Я, конечно, понимаю – вам не грозит проработка на партийном бюро и досрочная высылка на родину за посещение казино, поэтому вам не понять наших опасений, но вы же наш партнёр! Неужели вам безразлично, что наша компания распадётся?

– Я не разделяю ваших опасений, господа, потому и молчу... Раньше я считал, что незнание внушает оптимизм. Слушая вас, я пришёл к другому заключению: ваше незнание внушает вам пессимизм и опасения... Вам, но не мне! Потому что я знаю о русском чуть более вашего! И уж никак не могу согласиться с господином Каменским, что Леон к нам подослан...

– Но откуда такая уверенность?! – вскричал поляк и, тут же взяв себя в руки, спокойно добавил:

– Вы, герр Гольдман что-то не договариваете... Уж будьте так добры, просветите нас, чтобы мы не громоздили тут нелепицы на небылицы... Поделитесь вашими знаниями о русском, вашей осведомлённости... Ну, невежды мы, что поделаешь!

– Вы преувеличиваете не только опасность, исходящую от русского дипломата, господин Каменский, но и мою осведомлённость... Я не ошибся, сказав, что знаю о нём чуть более вашего... Но это «чуть-чуть» позволяет мне не согласиться с вашим видением русского атташе и с вашими выводами в его отношении... Одна случайная встреча подсказала мне, что наш новый знакомый – азартный и весьма увлекающийся мужчина... Полагаю, что он пришёл сюда в поисках острых ощущений, а не для того, чтобы выследить, а затем «сдать» вас, пан Каменский, вашим партайгеноссе из парткома! Думаю, ваши опасения безосновательны...

– Да что вы всё ходите вокруг да около, герр Гольдман! – не выдержал поляк. – Говорите же наконец по существу, не дети ведь перед вами! Вы будто молитву перед обедом читаете, или проповедь на паперти... Извините, доктор, нервы...

– Может быть, господин Каменский, вы и правы – я несколько затянул вступление... Ну так вот, теперь по существу. Только должен вас предупредить, сначала мне придётся говорить не о русском, а о других, более известных вам персонажах. Так что не торопите меня!..

Вы, конечно, помните громкий скандал в итальянском посольстве, когда в прошлом году повесился их молодой вице-консул... К сожалению, забыл его имя...

– Альдо... Альдо Бевилаква, – подсказал всезнайка Фогель.

– Вот-вот – Альдо! – обрадованно произнес австриец и тут же, поняв свою оплошность, с трагической ноткой в голосе добавил:

– Я тогда был приглашён в итальянское посольство, чтобы составить заключение о смерти... Ну вы же знаете, что до введения в эксплуатацию американского культурного центра я был единственным врачом-иностранцем в Катманду.

Приходилось выступать в разных ипостасях – я был и оперирующим гинекологом, и терапевтом, и даже психиатром... Всё это позволило мне проникнуть в такие тайны проживающих здесь европейцев и американцев, которые не снились ни непальской полиции, ни местной службе безопасности. Пациенты раскрывали мне такие секреты, которыми, быть может, не всякий приговорённый к смерти преступник поделится с причащающим его священником.

Словом, о тех людях, живых или мёртвых, к которым меня затребовали, я узнавал всё. При этом никогда инициатива не исходила от меня, то есть я нисколько не стремился что-то выведать, отнюдь. Если я и задавал вопросы, то лишь с одной целью – чтобы правильно поставить диагноз, не более...

Австриец умолк, налил себе «кока-колы» и стал не торопясь, мелкими глотками пить. Дипломаты, заинтригованные его рассказом, нетривно следили за каждым его движением.

* * *

«Черт возьми, теперь ясно, почему гэдээровский консул так обхаживает доктора! – заёрзал на унитазе Полешук, услышав последние слова Зильбермана. Если я правильно оценил Фогеля и он, действительно, – агент «Штази», значит, он участвует в вербовочной разработке австрийца...

Стоп! А может, он, как и я, “сидит под корягой” – работает под дипломатическим прикрытием, а на самом деле – восточногерманский разведчик? Но почему же мне об этом не сообщил мой “резак”, полковник Тимофеев? Впрочем, какая к черту разница, в какой ипостаси, агента или разведчика, выступает Фогель! Дело не в нём. Главное – это доктор, который представляет безусловный интерес для любой спецслужбы. Он – находка, вездеход, имеющий в силу своей профессии возможность проникать туда, куда простому смертному не попасть и за огромные деньги! Молодцы ребята из «Штази», на призовую лошадку поставили, со временем она вас озолотит...

А ведь я тоже непромах – догадался-таки, что за птаха этот Фогель!...

Вдруг Полешука осенило. От волнения он даже привстал со стульчака.

«Стоп, Лёня, стоп! Ты полагаешь, что этого неотразимого Бруно Гольдмана консул изучает в плане вербовки?! Окстись, Лёня, ты – просто наивняк! – выругал себя Полешук за ранее выдвинутые и, как теперь ему казалось, опрометчивые предположения. – Вспомни, как консул буквально прожигал тебя взглядом, будто лазером, во время твоих пикировок с Гольдманом. А как он заёрзал на стуле, когда ты пару раз похлопал доктора по плечу!..

Фогель влюблён в доктора, он ревнует тебя к австрийцу и даже не пытается этого скрыть! Стоп! А, может, у этих арийцев любовный роман! Что ж, вполне может быть, что эти двое страдают “болезнью аристократов”... Во всяком случае поведение консула – красноречивое тому свидетельство...

Всё, с завтрашнего дня вплотную занимаюсь этими двумя персонажами!

Значит так, телеграммы-молнии в Центр, а пока придут ответы, надо максимально подизучить эту любовную парочку через местную агентуру... Ведь если я на правильном пути, консул с доктором должны где-то встречаться – не в казино же они любовью занимаются!..

Так, кто у меня из агентов имеет подход к гостиницам? Ну да, конечно, недавно завербованный агент “Чанг”, он же полицейский! А что если эти “голуби” любовным утехам предаются на вилле доктора? У консула её нет – гэдээровские дипломаты живут, как в общежитии, в одном доме...

Ну что ж, и в этом случае мне поможет “Чанг”. Опросит прислугу доктора, страху напустит... Да и напускать не надо – аборигены, они все заодно и против бледнолицых... В общем, сумеет! Ведь ни одно любовное свидание, даже если оно проводится в условиях максимальной конспирации, от челяди никогда не утаить. Греховными следами могут являться и измятые или испачканные простыни, и наволочки, и забытый в ванной комнате перстень, и чужие волосы в гребне хозяина, да мало ли что ещё, о чем может знать только прислуга!

Словом, за работу, Лёня!

Ну а если всё-таки консул – мой коллега, изучающий австрийца в плане вербовки, тогда что? Идея! Почему бы мне не опередить его, закрепив за собой права на Гольдмана... Кто-то же всегда старается сильнее!..

Короче, кем бы не являлся консул, если у него роман с доктором, мне ничто не мешает завербовать эту “голубую” парочку и заставить её работать на себя! Эстетствующих арийцев-извращенцев у меня на связи ещё не было!

Н-да, дела... Кто бы мог подумать, что в Непале, на задворках мировой цивилизации, можно обнаружить такую коллекцию из явных и тайных сотрудников спецслужб любой, даже “голубой” окраски?!

Стоп! А что это там доктор говорил о нашей с ним случайной встрече? Уж не путаете ли вы, герр Бруно, меня с кем-либо?

Ладно, надо дослушать выступление доктора до конца, а там видно будет...»

* * *

– Когда я прибыл чтобы освидетельствовать труп и составить заключение о смерти, – продолжил свой рассказ доктор, – я уже знал наверняка, что мне предстоит иметь дело с так называемым диалогическим видом самоубийства, это когда в конфликт потенциального самоубийцы включено ещё какое-либо лицо, которое, как правило, и является причиной психологического кризиса, корнем зла. В таких случаях уход из жизни совершается потерпевшим из желания вызвать к себе сочувствие или собственной смертью наказать обидчика. До конца доводится лишь небольшое количество таких самоубийств, и то чаще всего по несчастливому стечению обстоятельств: собирался припугнуть, но допустил либо передозировку, либо поспешность...

Что, кстати, и произошло с беднягой Альдо... Он накинул себе петлю на шею и повесился в столовой своей виллы в тот самый момент, когда там обычно появлялся мажордом, чтобы накрыть на стол. Мажордом замешкался в винном подвале и когда вошёл в столовую, было уже поздно...

О том, что я столкнулся именно с такой шантажно-демонстративной попыткой самоубийства, свидетельствовала и составленная покойным предсмертная записка, в которой он просил прощения за свой поступок, у кого бы вы думали? Нет, не у Господа Бога и не у своих родителей... Он просил прощения у своей возлюбленной!..

– Но при чем здесь итальянец и его возлюбленная, если мы собираемся выстроить линию обороны против русского! – перебил Гольдмана поляк.

– Послушайте, пан Каменский! – не выдержал консул. – Вы или молча выслушайте до конца доктора, или сходите проветриться, пока мы здесь без вас примем решение! – и, перейдя с английского на немецкий, Фогель грязно выругался и попросил Гольдмана продолжать.

– Надо сказать, господа, что самоубийство итальянца для меня не было такой неожиданностью, как для его коллег из посольства... Дело в том, что незадолго до своей смерти Бевилакка обратился ко мне, и я консультировал его, выступая в качестве психоаналитика или психотерапевта, – суть не в определении характера консультаций, а в том, что я выяснил о его взаимоотношениях с любимой женщиной...

– Герр Гольдман, а кто она, как её зовут? – опять не выдержал поляк.

Доктор не успел ответить, потому что Фогель, отбросив дипломатическую этику, заорал, как фельдфебель на плацу. Да так громко, что Полещук выхватил из ушной раковины капсулу с такой поспешностью, будто это была пчела.

– Вы закроете наконец рот, пан Каменский, или мне на правах старшего придётся попросить вас уйти?! Послушайте, а может, вы хотите сорвать нам игру с русским и поэтому всячески мешаете герру Гольдману сделать сообщение? Тогда убирайтесь отсюда немедленно, трус!

– Ну что вы, герр консул, как можно обо мне так подумать... Впрочем, извините... Нервы, понимаете ли... С этого момента я нем, как рыба! Прошу вас, герр Гольдман, продолжайте... Читайте, что меня здесь нет...

– Итальянец рассказал мне историю своей любви, – пересев в другое кресло, подальше от пана Каменского, продолжал австриец, – и вот что выяснилось, господа...

Я, с вашего позволения, опущу не относящиеся к самоубийству Альдо подробности его знакомства с этой роковой женщиной, скажу лишь, что инициатором их отношений был не он – его возлюбленная. Хотя, как мне признался итальянец, он страстно желал этой связи, но сам бы никогда не решился сделать первый шаг...

И дело не только в том, что женщина была ослепительно красива, она вдобавок была много старше Альдо. Он догадывался об этом, но не подозревал, что разница так велика – тринадцать лет. Ему было двадцать пять, ей – тридцать восемь. Роковое число, потому что её дочери тоже было тринадцать...

Но об этом он узнал позже, а сначала они сняли виллу и стали жить вместе. Что это была за жизнь, я мог судить по отдельным высказываниям покойного.

Ну, во-первых, он мне заявил, что через три месяца с момента заключения ими гражданского брака он стал забывать местоимение «Я», так как все решения за него принимала возлюбленная. Альдо же в их содружестве – назвать их временный союз семьёй у меня не поворачивается язык – не имел даже совещательного голоса.

Она распоряжалась им, как хотела. Ну, к примеру, она могла разбудить его в три часа ночи, потому что ей захотелось попробовать пиццу или спагетти «а ля наполетана»...

И что вы думаете? Бедняга становился к плите, чтобы удовлетворить мимолетный каприз возлюбленной.

Когда пицца была готова, она заявляла, что хочет мороженого...

В четыре часа утра, доставив мороженое из ночного ресторана, несчастный Ромео узнавал, что его краля хочет ананас...

И так повторялось по три раза на неделе!

Случались вещи и посерьёзнее. Бевилакву собирались перевести на работу в итальянское посольство в Вашингтоне – возлюбленная категорически отвергла это предложение. С её слов, это помешало бы её служебному росту. И где?! Здесь, в Катманду!

И это при всём том, господа, что обычно у женщин на первом месте – чувства, а не работа. Кроме того, женщины, как правило, очень серьёзно воспринимают партнёра, но не очень серьёзно себя. В случае же с Бевилаквой всё было наоборот...

Некоторое время спустя итальянец из оставленного на прикроватной тумбочке письма узнал истинную причину, по которой женщина отказалась ехать в Штаты. В Вашингтоне проживали её родители, у которых на иждивении как раз и находилась её дочь. Тогда же несчастный узнал и возраст своей возлюбленной...

И вы знаете, как она отреагировала на эти его открытия? Просто съездила в Женеву и во всемирно известной клинике сделала косметическую операцию по омоложению кожи лица, разумеется, на деньги суженого...

Я недавно встретил её в культурном центре. Поверьте, сейчас она выглядит много моложе, чем два года назад, то есть когда Бевилаква пал жертвой её чар...

Сегодня ей и тридцати не дашь, а ведь она уже вплотную подобралась к сорокалетнему рубежу!..

Австриец обвёл притихших компаньонов протяжным взглядом, снова отхлебнул «кока-колы» и ритмично, как метроном, продолжил повествование:

– Во время второго сеанса я спросил итальянца, что в этой женщине такого, что его держит подле неё почти два года. Знаете, что он мне ответил?

«Синьор Гольдман, если бы я был на вашем месте, я бы тоже задал себе подобный вопрос. Но ответить на него толком не могу. Половине своих поступков я не нахожу объяснений. Единственное, в чем я абсолютно уверен: я не могу без неё, но и с нею тоже...

Наша совместная жизнь превратилась в ад сплошных скандалов, бесконечную цепь её придинок ко мне... Я очень устал и не знаю, что делать... Я чувствую себя собакой, которую потерял хозяин. Только вот в чём вопрос: кто хозяин меня самого? Я или она?

Я сейчас в очередной раз пытаюсь оторвать себя от неё – я ушёл, порвал с нею... Но как долго будет продолжаться моё одиночество, я не знаю, я не уверен в самом себе, поэтому, доктор, я и решил прибегнуть к вашей помощи.

Вы знаете, кто такой зомби? Так вот, ей удалось меня зомбировать. Я боюсь, что она позвонит и скажет “приходи”, я всё брошу и пойду. Мне стыдно признаться, что я дважды пытался в её присутствии выброситься из окна, но... И это была не показуха! Я действительно был на грани срыва. Почему был?! Я уже сорвался и продолжаю лететь в пропасть... Помогите мне, синьор Гольдман!»

– Более двух часов я пытался объяснить ему положение, в котором он оказался. Я сказал ему, что она старше, опытнее и сильнее. Когда они сошлись, она остановила его в развитии. У него начался затяжной прыжок через его возраст. Прыжок через себя, который ему никак не удавался, потому что был противоестественен. Сама природа тому противилась!

Я пытался убедить его, что в поисках «мира» в доме он напрасно прощает своей возлюбленной все её выходки. Потому что в перспективе постоянная напряженность может привести его к депрессии.

Ещё в течение часа я безуспешно втолковывал ему, что если его женщина не склонна к компромиссам, то ни о каком равноправии нет и речи.

Я доказывал ему, что она попросту использует его в своих корыстных интересах. Ну хотя бы для удовлетворения своего либидо, своих половых потребностей. Всё оказалось без толку...

У меня были и другие соображения на её счёт, но тогда я не решился посвящать его в них. Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы. Увы, через день его не стало...

Ещё тогда, во время нашей последней встречи, я подумал, что ему тяжело не только потому, что он не успел сформироваться как мужчина и поэтому не в силах противостоять её натиску. Дело было не столько в нем, сколько в н е й!

Мне и до сих пор она представляется женщиной-вампиром. Этаким комбинированным образчиком энергетического вампира и женщины-тирана...

Думаю, что Бевилаквa – не первый молодой мужчина, который попал под пресс её очарования и... садо-мазохистских наклонностей. Затрудняюсь сказать, все ли мужчины, которых она сумела в разное время в себя влюбить, кончали так, как это случилось с беднягой итальянцем, но то, что он не последний – в этом я абсолютно уверен!

Она попросту не мыслит своего существования без молодых мужчин, которые, влюбившись в неё до беспамятства, подпитывают её своей энергией. Лишив заложенного в них природой ресурса жизненных сил, разрушив охранный барьер их психики, она таким образом доводит их до самоубийства. А затем принимается за нового. И, заметьте, с формальных позиций закона её не в чем упрекнуть! Всё ведь списывается на неуравновешенный характер её жертвы-любownika, на несчастную любовь, наконец...

Доктор умолк, поочерёдно посмотрел в глаза притихшим от впечатлений компаньонам и тихо произнёс:

– Надеюсь, господа, вы не видите в вашем покорном слуге клятвоотступника, нарушившего завет Гиппократa? Я ведь только с вами так откровенен... Никому из аккредитованных здесь дипломатов, журналистов и прочих лиц я ничего не рассказывал, хотя некоторые и пытались использовать меня в своих целях как источник информации...

– Ну что вы, герр Гольдман, – ответил за всех консул, – мы же прекрасно понимаем, что самоубийство итальянца – дело прошлое, поэтому рассказанные вами подробности его

отношений с некой женщиной-демоном сегодня уже никто не сможет использовать ему во вред...

Что же касается его возлюбленной, то с нею вас клятва Гиппократы никак не связывает... А всё нами услышанное умрёт в этом кабинете, даю вам слово джентльмена!

– Кстати, герр Гольдман, – вкрадчиво обратился к доктору Фогель, – вы сказали, что недавно встретили эту женщину-вамп в культурном центре... Полагаю, что даже если мы не так молоды, как бедняга Альдо, риск угодить в её сети имеется у каждого из нас... Как её зовут?

– Сэлли Грэйвс...

В ту же секунду Полещук сорвался с унитаза, выбил закрытую на щеколду дверь и в несколько прыжков очутился на пороге кабинета, где десятью минутами раньше он оставил своих потенциальных партнёров. Партнёров? Нет, не только партнёров – интриганов и заговорщиков!

В следующей тираде, и Полещук был в этом совершенно уверен, Гольдман, идя навстречу пожеланиям компаньонов, должен был связать его имя с Сэлли, рассказать не только об упомянутой им случайной встрече, но и, что хуже, выложить свои умозаключения. А вот этого допустить разведчик никак не мог!

Войдя в кабинет, Полещук понял, что успел вовремя прервать откровения австрийца.

Облегчённо вздохнув, он с улыбкой, от которой должны были растаять снега на Эвересте, спросил:

– Господа, я не очень долго отсутствовал? Вы знаете, у меня и в самом деле появилось желание присоединиться к игре, если, конечно, вы не возражаете...

Разведчик заметил, как недобро сверкнули за стёклами очков глаза польского дипломата. Встретившись взглядом с Полещуком, он поспешил скрыть лицо за веером карт.

Гольдман и Гржинек оторопело смотрели на русского. Похоже, что теперь и они готовы были согласиться с определением, данным ему паном Каменским: «черт из катапульты». Второй раз за какие-то полчаса он вторгается в кабинет, когда его там меньше всего ожидают. Лишь консул при появлении Полещука многозначительно ухмыльнулся...

Глава пятая. К барьеру, шулер!

Первым пришёл в себя Фогель.

– Похвально, господин атташе! Очевидно, тот, с кем вы вели телефонные переговоры, сумел настроить вас на боевой лад. Bravo! Знаете, как порой не хватает в нашей компании свежих идей, какого-то необычного поворота в игре, непривычных ставок, наконец. Думаю, с вашим приходом всё изменится в наших турнирах...

– Итак, вперёд, к барьеру! – воскликнул Фогель и с присущей ему ловкостью открыл карту, которую сдал ему банкировавший на этот раз Гольдман.

Консул выиграл, и доктор достал из бумажника несколько хрустящих банкнот.

Каменский, разогреваемый внутренней злобой на русского, сразу поставил на кон пятьдесят долларов и вскоре удвоил банк. Поляк выиграл, и Гольдман вновь достал доллары из бумажника.

Каменский хотел было выйти из игры, но консул, не считая денег, бросил:

– Ва-банк! – и проиграл.

Одним движением он выхватил из кармана сумму проигрыша, швырнул деньги на стол и объявил:

– Ещё раз ва-банк!

Гржинек вышел из игры, Гольдман снова взял банк на себя и сразу бросил карту Полещуку. Разведчик выиграл, затем проиграл, потом снова выиграл, проиграл...

Так продолжалось около двух часов, в течение которых Полещук ни разу не держал банк. Делал он это с умыслом: надо было распалить игроков.

Разведчик собирался довести партнёров до нужной кондиции, а затем, завладев банком, пустить в ход известные ему шулерские приёмы.

«Сегодня вы все уйдёте отсюда в одних трусах, потому что на меньшее я не согласен!» – мысленно приговорил всех сидящих за столом Полещук.

Когда банк перешёл к консулу, все почувствовали, что наконец начинается серьёзная игра.

Он проиграл, однако, вопреки традиции, тут же заложил новый банк. Опять проиграл и опять стал держать следующий, третий по счёту банк. Никто не возражал, потому что все были в выигрыше, и Полещук больше всех.

Свой первоначальный капитал, триста долларов, одолженные у Сэлли, он спрятал поглубже в карман, решив ни в коем случае ими не рисковать. Затем он сам заложил банк, вскоре удвоил его, снял, и в дальнейшем счастье уже не изменяло ему и при других, часто сменявших друг друга банкметах.

Сумма в тысячу долларов, которую он должен был вернуть в кассу резидентуры, уже была превышена на пару сотен долларов, когда консул предложил прервать игру и промочить горло чем-нибудь покрепче.

– Угощает тот, кто больше всех выиграл! – скомандовал Фогель.

Полещук, полагая, что это традиция клуба, с готовностью нажал кнопку вызова официанта.

Восточные демократы и Гольдман от виски отказались, предпочтя ему местное сухое вино.

Полещук, находясь в превосходном расположении духа, распорядился принести каждому по бутылке вина – знай наших, оборванцы с восточной окраины Европы! – себе же заказал бутылку любимого напитка – виски.

– Судя по объёму вашего заказа, – вкрадчиво произнес консул, – вы намерены играть до утра, не так ли, господин атташе?

– А почему бы и нет! – воскликнул Полещук.

– Видите ли, господин атташе, независимо от того, как складывается игра, мы играем только до часу ночи и ни минутой дольше... Такова традиция!

Полещук посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать.

– Ну, тогда к барьеру, господа, не будем терять времени!

Фогель оценивающе посмотрел на Полещука. Лицо разведчика пылало азартом: глаза сверкали, ноздри подрагивали, как у охотничьей собаки, учуявшей добычу.

«Ну что ж, – принял решение консул, – придётся взять на себя ещё и роль официанта. Ваш стакан, Леон, или как там вас зовут, ни секунды не будет пуст... Да и вообще, пора вводить в действие наше с доктором секретное оружие!»

Остальные присутствующие также обратили внимание, как громко, даже развязно, прозвучало приглашение русского к игре. Да и вообще, в начале знакомства этот Леон вёл себя более сдержанно. Неужели на него так подействовал выигрыш? Нет, скорее всего, ему в голову ударил алкоголь!

Игроки вновь расселись по своим местам, бледный свет мирно струился из-под зелёного абажура, ничто не предвещало бури, а между тем она по воле консула уже нависла над карточным столом...

* * *

Полещук после выпитых двух стаканов виски основательно захмелел и пошёл напролом. При первой же раздаче поставил большую купюру, чем собирался, но выиграл. Эта счастливая ошибка внушила ему уверенность, что судьба ведёт его за руку, и он удвоил ставку. И проиграл. Проиграл и в следующий раз, потом ещё и ещё...

Настал момент, когда выигранной ранее тысяче долларов стала угрожать серьёзная опасность.

Наконец, когда банк перешёл к Полещуку, он, применив все свои шулерские навыки, сумел восстановить статус-кво, более того, довёл свой выигрыш до четырёх тысяч долларов! Сразу вслед за этим он хотел заказать себе ещё одну бутылку виски, но в последний момент передумал...

Каменский и Гржинек вышли из игры, но с неослабевающим азартом следили за схваткой доктора, консула и русского атташе.

– Господа, уже без четверти час, – сказал Каменский.

– Это последний банк, – робко предложил доктор, который понял, что не успеет съездить домой за деньгами в случае проигрыша.

– Нет, зложим ещё – каждый по одному! – заплетающимся языком предложил Полещук.

Консул в знак согласия кивнул головой и тут же объявил такой банк, какого в этой компании ещё не метали, – две тысячи долларов! Каменский и Гржинек, разом охнув, демонстративно отодвинулись от стола.

– Я пас, – едва выдавил из себя доктор.

– Ва-банк! – заорал Полещук и тут же испугался своих слов и даже своего голоса.

Консул открыл девятку, и бумажник разведчика полегчал на тысячу долларов.

– Опять ва-банк! – гаркнул разведчик.

Снова проигрыш. Опрокинув в себя стакан виски, Полещук закурил сигарету, откашлялся и на удивление тихо сказал:

– Ещё раз ва-банк...

Консул молча открыл свою карту. Девятка? Никто не назвал её, и всё-таки присутствующие поняли, что карта была именно этого номинала.

Полещук почувствовал лёгкое головокружение, выхватил из кармана платок, вытер взмокший лоб и обвёл партнёров взглядом. Гольдман не сводил с него гипнотизирующего взгляда.

«Странно, – мелькнула мысль в затуманенном мозгу разведчика, – что это доктор на меня так уставился... Он не сводит с меня глаз с тех пор, как я впервые стал банкомётом... Да и вообще, как, черт возьми, быстро всё произошло! Минутой назад я был обладателем трёх тысяч долларов, и вдруг! Ну ничего, тысяча ещё есть, значит, есть надежда...»

Полещук вынул из бумажника пять купюр.

– Пятьсот? – бесстрастно спросил консул.

Разведчик кивнул и открыл брошенную ему карту. Восьмерка. Консул прикупил. Девятка.

Половина оставшейся у Полещука суммы была проиграна. Он покачал головой, словно не хотел с этим соглашаться. И поставил последние 500 долларов.

Через секунду ушли и они.

«Черт подери, ну до чего же не везёт! – мысленно выругался разведчик. – За десять минут проиграть четыре тысячи долларов, мыслимое ли дело?! Да расскажи я об этом кому-нибудь из сослуживцев, они назовут меня дешёвым болтуном... Да и, действительно, не сказка ли всё здесь происходящее?! Нет, скорее, театр абсурда с участием двух актёров в главной роли!»

– Господин атташе? – раздался голос консула.

Полещуку показалось, что он прозвучал в соседней комнате – в висках молотом стучала кровь, а уши – будто заложены ватой. К тому же ещё больше стала кружиться голова.

«Неужели на меня так подействовало спиртное? – не переставал удивляться своему поведению разведчик. – Но я ведь и бутылки ещё не осилил! Нет, явно что-то не так: говорю не то, что хочу, делаю не то, что собирался... Прямо наваждение какое-то!»

В знак протеста – «Наши просто так не сдаются!» – Полещук помахал рукой перед носом Фогеля и вынул оставшиеся триста долларов. Поставил 50. Выиграл. Снова поставил 50 и опять выиграл.

Фортуна подмигивала ему одним глазом – решайся!

Громко рассмеявшись, Полещук взял стакан виски, за секунду до этого услужливо наполненный консулом, и неспеша выпил. С трудом удерживая своё тело в вертикальном положении, обратился к доктору, который по-прежнему не сводил с него глаз:

– Не будете ли так любезны, господин Голь... Голь... господин доктор, одолжить мне тысячу долларов... Вы же видели – сегодня мой день, я выигрываю!

– Мне бесконечно жаль, господин атташе, но я проиграл всё...

Вслед за этим консул, не пересчитывая, небрежно подвинул Полещуку несколько купюр.

– Прошу вас, господин атташе! Здесь ровно тысяча. Возьмёте карту?

– Почему бы и нет! – рассмеялся Полещук.

– Сколько ставите, господин атташе?

– Всё!

Разведчик взял карту, Фогель со своей преувеличенной медлительностью – тоже.

Семерка. Нет, он не собирается прикупать. Впрочем, консул, даже не спросив его, открыл свою. Восьмёрка. Проклятье!

Фогель безмолвно подвинул разведчику стопку банкнот:

– Здесь две тысячи... Прошу вас, господин атташе, возьмите.

«В благородство играешь, сука, ну-ну... Сейчас посмотрим, чья возьмёт!» – подумал Полещук и тут же объявил:

– Две тысячи, господин консул!

– Две тысячи?

– Конечно, господин консул.

Полещук ничего не прикупил, у него была семерка. А консул вынужден был прикупить.

На этот раз немец изменил своей привычке – поспешил. И было из-за чего! К своей двойке он прикупил семерку пик. Итак, у него ровно девять очков. Впрочем, достаточно было и восьми, чтобы две тысячи вернулись к нему.

После этого их обладателем сразу же стал разведчик. Потом он выиграл ещё. Сколько у него? Три или четыре тысячи?

Не стоит считать – это приносит несчастье!

И так как Полещук уже не знал, сколько он, собственно, должен, он снова поставил две тысячи.

Пришла четверка пик. Мало! К ней надо прикупить. Получил шестёрку пик. Перебор на одно очко. Проклятье! Открыли карты. Оказалось, что консул преспокойненько выжидал, имея на руках всего лишь тройку. Сволочь! Уж не шулерничает ли этот старый змей, консул?!

Две тысячи ещё несколько раз пересекли стол, как вдруг за окном пробили часы на королевском дворце.

– Последний раз! – вскричал Полещук и придвинул ворох купюр к центру стола.

– Сколько?

– Всё!

Восьмерка – до выигрыша рукой подать! Но почему молчит консул, не отрывая взгляда от своей карты?!

Наконец Фогель с непроницаемым лицом, ставшим бледнее обычного, показал присутствующим – нет, не русскому атташе, с которым вёл дуэль уже более часа, а остальным игрокам, затаившимся, как мыши перед рассветом, – свою карту. Девятка...

– Итак, господин атташе, уговор дороже денег... Сейчас две минуты второго, а мне вы должны... – консул выдержал секундную паузу, рассматривая разбросанные по столу купюры. – Мне вы должны шесть тысяч... Долларов! Полагаю, мы можем обойтись без расписки?

– Конечно, – вскричал Каменский, – мы все здесь свидетели!

* * *

Усадив едва державшегося на ногах Полещука на заднее сиденье такси и расплатившись с водителем, консул и доктор вернулись к ломберному столу.

Гржинец сладко похрапывал, забравшись с ногами в глубокое кресло.

Каменский, упёршись подбородком в сложенные на столе руки, не сводил остекленевшего взгляда с разбросанных по столу банкнот. Он устало повернул голову в сторону вошедших. Но вдруг оживился, вскочил на ноги и ринулся навстречу Фогелю.

– Господин консул, я требую объяснений! Зачем вы раскрутили русского на такую огромную сумму?! Вы же таким образом подписали всем нам приговор!

Фогель, даже не удостоив скандалиста взгляда, обеими руками сгрёб деньги в кучу и стал сосредоточенно сортировать банкноты согласно их номиналу.

– Нет-нет, господин консул, я никогда не думал...

– Наконец-то вы признались, пан Каменский, что «никогда не думали»! – торжествующе воскликнул консул. – Я давно подозревал вас в бездумном отношении ко всему, что

находится за пределами ваших операций с янтарем, но воспитание не позволяло мне сделать вам замечание... Слава Богу, теперь вы сами признались в отсутствии мыслительных способностей! Да знаете ли вы, что благодаря вашим потугам за карточным столом я едва не стал банкротом?!

Консул взглянул на ставшего пунцовым Каменского и, догадавшись, что тот близок к коллапсу, уже примирительно произнес:

– Ладно, прочь склоки, давайте объяснимся... Если вы заметили, в начале игры я старался придерживаться намеченной тактики. Той, которую предложил пан Гржинек – дать русскому немного выиграть у нас... Но это был первый импульс.

А как говаривал незабвенный мсье Талейран: «Бойтесь первого импульса, ибо он, как правило, благороден!» Вот тогда-то, вспомнив наставление искуснейшего из дипломатов, я решил не играть в благородство, а сделать наоборот...

– То есть?

– То есть выставить русского из денег. Поверьте, эта мера будет иметь значительно большее воздействие на него, чем если бы мы дали ему выиграть какие-то крохи... Теперь он до конца своего пребывания в Катманду прикован к нашей колеснице... Он не в состоянии одним махом погасить свой долг в шесть тысяч долларов, не так ли?

– Безусловно, герр консул! – с готовностью солдата срочной службы ответил поляк.

– А раз так, то ему ничего не остаётся, как молчать и потихоньку отыгрываться... Я надеюсь, вы, пан Каменский, не будете настаивать на единовременном погашении русским его долга... Мы же не в XIX веке живём, или я не прав?

– Конечно-конечно, герр Фогель... Да и какие претензии могут быть у меня к русскому? Он же должен вам, а не мне!

– Вот для того, чтобы он остался должен только мне, я и взял всю игру на себя... Впрочем, была ещё одна причина, заставившая меня действовать по собственному уразумению...

– Интересно, какая?

– Русский дипломат, он – шулер... Вы заметили, как резво он выиграл у меня более трёх тысяч? А всё оттого, что распоряжался колодой. Он – мастер передёргивать карты! Да разве только это... Но уж когда банковать стал я, извините, пришлось преподать наглецу урок хорошего тона, нет – высшего пилотажа! Чтобы он не подумал, что набрёл на простачков, которые впервые держат в руках инструменты...

– Простите за откровенность, герр Фогель, но как вы можете определить, кто шулер, а кто – нет, если сами не владеете шулерскими приёмами?!

– Я о них забываю, играя с вами... А когда встречаю за столом настоящего шулера, сразу же их вспоминаю...

– Вот так сюрприз! Сюрприз и предостережение всем нам... Оказывается, вы, герр Фогель, тоже можете быть искренним... иногда!

– Кстати, о сюрпризах, – вмешался в перебранку Гольдман. – У меня тоже есть один... Знаете, куда отправился ночевать русский атташе? Таксисту он назвал адрес Сэлли Грэйвс!

– Да, действительно, сегодня у нас вечер сюрпризов, – процедил сквозь зубы консул и, кивнув в сторону захрапавшего Гржинека, добавил:

– Похоже, он – единственный из нашей компании, кому наплевать на все наши... сюрпризы!

Глава шестая. Арийский тандем

На следующее утро Полещук проснулся раньше обычного от страшной головной боли. Самое примечательное было в том, что он не испытывал чувства похмелья, как это бывало после основательного «перебора».

«Да и что я такого, черт побери, вчера выпил? Пустяки, даже бутылку виски не уговорил! Раньше со мной ничего подобного не происходило. Нет, здесь что-то не так... Уж не подсыпали мне партнёры чего-либо в виски?..»

Осторожно, чтобы не разбудить Сэлли, разведчик выпростал ноги из-под одеяла и нагишом отправился на кухню. Выпил сразу две таблетки аспирина и пару чашек крепчайшего чая – полегчало.

Часы показывали начало седьмого.

«Слава Богу, что сегодня выходной день и не нужно ехать в резидентуру... Впрочем, с “Чангом” всё равно надо будет встретиться, но это – ближе к вечеру. – Полещук вспомнил о своём ночном намерении выяснить характер взаимоотношений консула с доктором. – Так, а сейчас, пока спит Сэлли, надо, не теряя времени, ещё раз прослушать вчерашние откровения австрийца и, вообще, весь разговор моих компаньонов, черт бы их всех побрал, особенно консула! Может, найдётся какая-то деталь, зацепка, на которую я вчера не обратил внимания...»

Полещук принес на кухню пиджак и портфель. Вытаскивая из карманов аппаратуру, вдруг наткнулся на клочок бумаги, на котором было начертано:

«Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом 6000 \$. Искренне Ваш Курт». Подпись и число.

«Значит, консул был настолько уверен, что я ничего не вспомню из ночных событий, и поэтому решил оставить мне автограф. А вот это уже промашка, партайгеноссе Фогель, да ещё какая! И не потому, что вы засомневались в моей памяти, нет. Ошибка ваша в том, что я теперь не только имею образец вашего почерка, но и текст, который, в зависимости от складывающихся обстоятельств, можно будет очень выгодно использовать. Всё будет зависеть от того, кому я подам этот материал и как я его буду интерпретировать...»

Ну что ж, пеняйте на себя, Курт. Обрадовавшись выигрышу, а потом испугавшись, что можете его не получить, вы из-за своей жадности загнали себя в капкан!»

Интригабельный ум Полещука, словно ЭВМ, немедленно выдал несколько вариантов, как он в будущем сможет использовать оказавшееся в его руках послание.

Во всех спецслужбах, будь то разведка или контрразведка, существует своё разделение труда, зависящее от личных качеств сотрудников.

Есть блестящие вербовщики, которые не в состоянии связно изложить свои мысли на бумаге, и, наоборот, есть виртуозы пера, способные грошовое мероприятие преподнести битвой при Ватерлоо.

Есть блестящие руководители крупных коллективов, которые могут оказаться совершенно беспомощными на боевом поле, и, наоборот, есть простые оперы, чей изобретательный и безжалостный ум в состоянии родить такую интригу, от которой целый департамент противника будет стоять на ушах.

К последнему разряду оперработников как раз и принадлежал Полещук.

«Ну, к примеру, партайгеноссе Фогель, я через какого-нибудь своего агента доведу до сведения гэдээровского посла, то есть вашего непосредственного начальника, что вы даёте деньги в рост местным торговцам или бизнесменам. А в подтверждение обвинений агент приложит к о п и ю этой писульки. У вашего посла возникнет естественный вопрос, откуда у

вас, при вашей нищенской зарплате, могут быть лишние деньги? Значит, вы имеете дополнительный приработок! А законен ли он, если вам по роду деятельности категорически запрещено подрабатывать на стороне?! Да разве только это... Вопросы, вопросы и вопросы, которые вам будут задавать там, где на них так трудно найти убедительные ответы...

Да, поторопились вы, товарищ Курт, и сами же себя загнали в ловушку! И, собственно, из-за чего? Из-за жадности! Ну что ж, жадность, она и более выдающихся людей, не чета вам, губила... Вы решили напомнить мне, что я должен вам шесть тысяч долларов, не так ли, товарищ Курт? Так вот теперь за эту же сумму вы у меня своё послание и выкупите. Сами напросились, уж не взыщите!

В общем, считайте, что письменная контрольная вами провалена, теперь слушаем ваши устные реминисценции, может, и там найдётся масса ошибок...

Прослушивая магнитофонную запись, Полещук делал пометки в своём блокноте, а иногда переписывал целые фразы – пригодится. Разумеется, особое внимание он уделил рассказу Гольдмана об отношениях Сэлли с итальянцем.

Разведчик ещё и ещё раз возвращался именно к этому фрагменту, но не потому, что испытывал какое-то наслаждение от сознания своего превосходства над безвольным Бивилаквой и Сэлли, женщиной-вампи, которая, по словам доктора, загонит в петлю ещё не одного молодого мужика. Отнюдь!

Тиран в отношениях с женщинами, Полещук в душе посмеивался над рассуждениями Гольдмана, будучи совершенно уверен, что та участь, которая постигла неврастеника-итальянца, ему не грозит.

Интуиция подсказывала ему, что именно в высказываниях доктора присутствует разгадка, ключ к его вчерашнему проигрышу и сегодняшнему тяжёлому, но отнюдь не постыжному, состоянию. Однако всякий раз у него не хватало терпения дослушать рассказ австрийца до конца.

Наконец, отчаявшись найти какую-либо зацепку, Полещук оставил включённым магнитофон и обратился к своим записям в блокноте. В тот же момент его слух поразила фраза, произнесенная доктором по завершении повествования:

«Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы».

Полещук выскочил из-за стола и в диком возбуждении начал вышагивать по кухне.

«Вот тебе, Лёня, и разгадка, вот тебе и объяснение, почему вчера ты продул партию! Значит, в тот момент, когда банк перешёл в руки Фогеля, эта австрийская сволочь начала меня гипнотизировать! То-то он не сводил с меня глаз... А я-то, наивняк, положился на своё умение вовремя передёрнуть карту, всего-то! Н-да, против лома нет приёма... Разве мог я вчера со своими допотопными “мульками” тягаться с дипломированным гипнотизёром?!»

В своё время мне приходилось сражаться с мастаками, которые заранее метят карты или специальные очки надевают, чтобы издали видеть карту противника, но чтоб гипнотизировать партнёра... Нет, увольте, такого среди картёжников я ещё не встречал и не слышал!

Наши преферансисты говорят: “Знал бы прикуп – жил бы в Сочи”. Наивные! Что такое знание прикупа в сравнении с манипуляциями гипнотизёра за карточным столом? Вот кто может безбедно жить – гипнотизёр, и не только в Сочи! В этом я сам вчера убедился...

Н-да, здорово сработал дуэт Фогель—Гольдман! Один, значит, мне виски в бокал без усталости подливал, а второй тем временем направлял на меня всю силу внушения... То-то я всякий раз игру не попадал заказывал. Говорил не то, что думал, делал не то, что хотел... И ведь что интересно: бомбардировать меня доктор принялся только после того, как я сорвал крупный куш, раздел консула на целых четыре тысячи долларов! Слаженно работают арийцы, ничего не скажешь...

А теперь эта сволочь играет в благородство:

“Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом 6000 \$. Искренне Ваш Курт”.

Ну что ж, товарищ Курт, раз вы не спешите получить обманным путём выигранные у меня деньги, так тому и быть. Встретимся после того, как сработает “Чанг” и придёт ответ из Москвы!»

Полещук, забыв, что всё ещё расхаживает босиком, с такой силой притопнул ногой, что от боли заорал благим матом.

«Всё бы, конечно, было нормально, если бы в кассу резидентуры не надо было возвращать тысячу долларов... Что делать? Их вернуть необходимо до возвращения Тимофеева из отпуска...»

Глава седьмая. Чужой среди своих

Закончив прослушивание записей и подкрепив себя ещё одной таблеткой аспирина и чашкой чая, Полещук вспомнил о привычке «Чанга» работать по выходным дням до обеда. Наспех приведя себя в порядок, разведчик опрометью бросился в гараж.

На ходу сообразил, что лучше воспользоваться машиной Сэлли – в выходной день американские дипломатические номера будут меньше привлекать внимание полицейских. Тем более что машину придётся оставить на улице у здания непальского Министерства внутренних дел.

На минуту заехал в резидентуру, взял портативный фотоаппарат и несколько бутылок «Посольской» – по опыту знал, что без водки на полноценную явку можно не рассчитывать...

Советские разведчики, как правило, встречались со своими агентами из числа непальцев в каком-нибудь храме исторического комплекса Пашупатинатх, расположенном от Катманду в нескольких минутах езды на автомобиле.

Однако прятаться по углам храмов, встречаясь с таким секретным помощником, как «Чанг», было абсурдом.

В непальском Министерстве внутренних дел агент возглавлял департамент виз, регистрации и контроля за находящимися в стране иностранными гражданами. Его служебное положение само по себе выполняло роль естественного прикрытия для проведения конспиративных встреч, так как появление «бледнолицых» в его кабинете не вызывало никаких подозрений у местной контрразведки – работа у полковника такая...

* * *

«Чанг», в миру полковник Лакшман Шарма, был завербован предшественником Полещука майором Рогачёвым после того, как организовал направление его жены на лечение к «курганскому кудеснику», Гавриилу Илизарову.

Шарма узнал о враче-волшебнике, прочитав публикацию в «Нью-Йорк таймс», и в тот же день попросил аудиенции у советского посла в Непале Григория Пасютина.

Посол, в начале своей дипломатической карьеры состоявший в агентурном аппарате КГБ и сохранивший (как ни странно!) добрые чувства к этому ведомству, сообщил о предстоящем визите непальца резиденту, полковнику Тимофееву. Тот вызвал к себе майора Рогачёва, и работа началась...

В итоге молодая женщина с врождённым дефектом – левая нога короче правой на несколько сантиметров – была направлена в Союз и наконец избавилась от пожизненной хромоты. Кару Божью устранили человеческий гений и золотые руки Илизарова...

* * *

В конце 60-х – начале 70-х годов Гавриил Илизаров своей новаторской методикой врачевания врождённых и в несчастье приобретённых дефектов костей и суставов конечностей произвёл настоящий переворот в травматологии и ортопедии, завоевав заслуженную мировую славу.

Клиника целителя из глубинки стала приносить стране баснословные прибыли в свободно конвертируемой валюте – в Курган, ставший уральской Меккой, хлынули богатые калеки со всего света!

Однако для широких масс Советского Союза Илизаров по воле главного идеолога КПСС Михаила Суслова по-прежнему продолжал оставаться безвестным местечковым костоправом без званий и имени.

Главное для идеолога всесоюзного значения Михаила Суслова было в другом. В том, что отчество у Гавриила было Абрамович! Тысячи и тысячи советских граждан еврейской национальности подали заявления и ожидали своей очереди выехать из СССР на постоянное жительство, куда-нибудь подальше от реалий развитого социализма, а тут ещё разгоравшийся арабо-израильский конфликт...

Поди знай, как истолкуют сирийский президент-самодержец Хафез Асад или палестинский бомж Арафат популяризацию врача с таким одиозным для арабского уха отчеством.

Нет, пусть уж Илизаров лечит себе втихую, ибо интернациональная дружба превыше всего, её надо беречь, даже в ущерб престижу и достижениям национальной медицины в глазах мировой общественности!

Докторскую диссертацию Илизарова Всесоюзная аттестационная комиссия утвердила лишь после того, как число прооперированных им инвалидов-иностранцев перевалило за тысячу.

В 1978 году, когда общая сумма зарубежных платежей за уникальные операции достигла десяти миллионов долларов, Илизаров стал лауреатом Ленинской премии и обладателем аж десяти тысяч... рублей!

Героя Соцтруда долго не давали – противился всё тот же главный идеологический чербер СССР, Михаил Суслов. И действительно, не успел зимой 1982 года отгреметь похоронный марш за упокой души всеильного догматика, как на тебе, получи, Гаврила Абрамович, Золотую Звезду!

* * *

На следующий день после возвращения жены из Кургана, где ей удлинili малую берцовую кость на целых семь сантиметров, полковник Лакшман Шарма собственной персоной заявился в советское посольство. Он-то, наивный, полагал, что отделается выражением благодарности и заверениями в вечной дружбе между советским и непальским народами. Не тут-то было!

В непальской резидентуре, да и вообще во всей советской внешней разведке, давно уже не верили всяким там лозунгам типа: «Непали – Русси, бхай, бхай!» (Непальцы и русские – братья!), поэтому, вопреки ожиданиям, Шарма не получил аудиенции у посла, а был встречен резидентом, полковником Тимофеевым и майором Рогачёвым, выступавшими в роли первого секретаря посольства и атташе по культуре соответственно.

В малом банкетном зале по случаю прибытия в посольство высокого гостя был накрыт стол с традиционно русскими разносолами из личных закромов посла. Сэкономить на гостеприимстве, решили разведчики, – значит упустить один шанс из миллиона.

Действительно, случай был уникальный.

За такими высокопоставленными чиновниками из системы МВД, коим являлся Шарма, иностранные спецслужбы охотятся годами, используя весь арсенал имеющихся средств, чтобы попытаться подловить, скомпрометировать или найти порочащие сведения, в крайнем случае хотя бы установить личный, неформальный контакт. А тут на тебе – рыбка сама приплыла!

Правда, основа для более близкого знакомства с Шармой уже имелась – операция его жене была сделана бесплатно не за красивые глаза, а в соответствии с планом Центра по созданию условий, благоприятствующих вовлечению полковника в орбиту КГБ. И всё же...

Объект вербовочной разработки мог сделать вид, что не придаёт оказанному вниманию особого значения, и отделаться направлением в адрес посольства формальной благодарности, приложив к ней чек на энную сумму или даже какой-нибудь грошовый сувенир в виде циновки или национальной соломенной шляпы... Ан нет – прибыл сам лично, да ещё и без свиты!

Это было хорошим знаком, и Тимофеев решил брать быка за рога. Тем более что к тому времени располагал о непальце исчерпывающей информацией. Как? А очень просто.

Во время пребывания жены Шармы в клинике она была окружена круглосуточной заботой и вниманием не только медперсонала, но и агентов КГБ. В их когорту входили также информаторы из числа непальских студентов, обучавшихся в советских вузах. А не навесить землячку в больнице – да это ж святотатство, пренебрежение кровными узами!

В беседах о состоянии здоровья пациентки выяснялись подробности биографии её мужа, сильные и слабые стороны его характера, политические симпатии, круг общения, связи в окружении короля, перспективы продвижения по службе и прочая, прочая, прочая...

Так стало известно, что Лакшман Шарма происходит из касты торговцев. Его отец с малолетства жил в Катманду и держал небольшую лавку. Сам же Шарма никогда коммерцией не занимался, но дхарму – свод предначертаний и запретов, определяющих норму поведения каждой касты – соблюдал неукоснительно. Даже женился на девушке из своей касты, несмотря на то, что она была хромой от рождения. И это при том, что до женитьбы Лакшман пользовался большим успехом у женщин и недостатка в любовницах не испытывал. С одной оговоркой: все они были из других сословий, из более низких каст, а значит, ни одна из них стать его женой не могла. Поступи он по-другому, родственники отвернулись бы от него.

Однако после учебы в Англии он пересмотрел своё отношение к дхарме как таковой и к её приверженцам в частности – стал нетерпим к откровенно нелепым ситуациям, которые создавались вследствие соблюдения норм для каждой касты.

К примеру, Шарма написал пьесу, в которой высмеивал обнищавшего брахмана, священнослужителя, чья принадлежность к высшей касте заставляла его отказывать себе в самом необходимом для того, чтобы держать слугу, поскольку его дхарма запрещала ему даже самому одеваться и даже умываться.

Затем в местной газете появился его очерк об одном земледельце, который жил впроголодь, но, боясь проклятия старейшин своей касты, отказывался даже ловить рыбу...

Словом, учёба на юридическом факультете Бирмингемского университета, а затем в полицейской академии, сделала из сына непальского лавочника настоящего европейца, начисто лишённого кастово-религиозных предрассудков.

Кстати, там же, в Англии, по молодости примкнув к движению хиппи, Шарма, вдобавок к чрезмерному увлечению спиртным, пристрастился ещё и к курению марихуаны. Ко всему прочему, он отпустил усы и шкиперскую бородку на английский манер, что не в почёте у непальцев.

Земляки, обучавшиеся вместе с ним, считали его «чужим среди своих» и совсем уже было махнули на него рукой, ибо все попытки образумить его оказались тщетными, как вдруг на пути Лакшмана возник гуру из Индии, некто Прапата Мехту.

Незадолго до встречи, ставшей для Шармы судьбоносной, гуру открыл в университетском городке школу йоги. Непалец из любопытства стал посещать занятия, а поближе познакомившись с Мехту, понял, что только йога спасет его от алкоголя и наркотиков. Через год занятий йогой Шарма изменился до неузнаваемости – из опустившегося хиппи он превра-

тился в самого прилежного студента, а затем курсанта. Благодаря постоянной опеке индийского гуру молодой человек с отличием окончил оба учебных заведения.

Возможно, поэтому он по возвращении на родину сразу занял должность начальника департамента в центральном аппарате королевского Министерства внутренних дел.

Назначение на высокую должность вскружило голову молодому человеку – Шарме тогда не исполнилось и 30 лет. Наставления Мехты, как и занятия йогой, были забыты, и новоиспеченный полковник, не выдержав испытания властью, снова принялся за старое, стал много пить. Не гнушался Шарма и марихуаны, а уж о связях с падшими женщинами и говорить нечего.

Однако теперь он это делал скрытно – положение в иерархической табели о рангах и близость к королю обязывали быть трезвенником хотя бы на людях.

В общем, Шарма вновь стал чужим среди своих!..

К моменту второго визита Шармы в советское посольство изучение его в качестве кандидата на вербовку завершилось, условия для склонения к негласному сотрудничеству были созданы, и Тимофееву, как матадору, предстояло лишь нанести быку смертельный удар. И он нанёс его...

Прежде чем перейти непосредственно к вербовочной беседе, заговорщики пригласили гостя за стол и принялись потчевать его чёрной и красной икрой, крабами, копчёной сёмгой, лососем слабого посола, маринованными грибочками и другими вкусностями. Впрочем, особой заботой и вниманием разведчиков пользовался бокал визитёра. Они бдительно следили, чтобы он никогда не пустовал. А тостам, казалось, никогда не будет конца.

В начале застолья полковник время от времени поглядывал на дверь, будто ожидая чьего-то появления. Рогачёв первым разгадал причину и поспешил заверить гостя, что об их общении никто не знает, а все официанты-непальцы на сегодня получили выходной. После этого Шарма заметно успокоился, почувствовал себя раскованнее и в подтверждение этого сам наполнил водкой свой бокал...

Так, за чревоугодием и возлияниями, обменом любезностями и разговорами на отвлечённые темы, незаметно подошли к основной цели встречи, вопросу вопросов – шпионить или не шпионить?

Шарма не возражал. Поставил лишь одно условие: информацию на соплеменников не просите – не дам. На иностранцев – пожалуйста! Тем более что до сведений на американцев, англичан, французов и немцев ему было рукой подать – не отрывая задницы от кресла, надо было лишь дотянуться до сейфа...

Да, вот ещё. Составлять письменные отчёты и где-либо расписываться полковник категорически отказался.

Предложение о материальном вознаграждении Шарма отверг с порога. Должник он, а ему собираются ещё и платить?! Нет, нет и нет, иначе он может обидеться на своих новых друзей!

Новые друзья уже готовы были заподозрить неладное, как вдруг полковник добавил, что готов работать бесплатно, но... Если бы ему иногда подбрасывали пару ящичков «огненной воды» под названием «Посольская» и немного осетровых яиц (так непалец называл чёрную икру), он несколько бы не обиделся.

У Тимофеева и Рогачёва отлегло от сердца – вербовка состоялась!

Когда Лакшмана Шарму наконец удалось отодрать от стола и отправить восвояси, разведчики принялись составлять отчёт о проведенной вербовке.

Рогачёв, как бы между прочим, спросил шефа:

– Товарищ полковник, как вы думаете, сколько времени потребуется нашему непальскому другу, чтобы окончательно спиться?

– Тебе что? Двух ящичков водки за каждую явку жалко?

– Нет, не жалко... Я о другом думаю – не подвёл бы он нас... Судя по всему, меры в употреблении спиртного он не знает...

– Не волнуйся, на наш с тобой век его хватит, а там... Пусть у других голова болит! Ты лучше скажи, под каким псевдонимом будем проводить непальца по документам?

Рогачёв, рассмеявшись, в шутку предложил:

– А давайте, товарищ полковник, назовём его «Чанг»...

– А что сие значит?

– Чанг по-непальски, товарищ полковник, означает рисовую брагу. Процесс её приготовления столь же уникален, сколь и отвратителен.

Представьте, в один прекрасный день вся деревня по сигналу старейшины принимается жевать рис и сплёвывать его в огромную бочку, установленную на центральной площади. Потом все эти плевки и отхаркивания оставляют на некоторое время на солнцепёке, не забывая, впрочем, регулярно перемешивать этот замес. Для этого у бочки денно и нощно дежурят самые физически крепкие мужчины...

– А если среди этих... ну, жующих, кто-то болен туберкулёзом или какой другой заразой, тогда как?

– А все микробы, товарищ полковник, уничтожаются в процессе брожения...

– А-а, тогда ещё ничего...

– И вот когда рис полностью осядет на дно, а по всей деревне начнет распространяться духан, от которого мрут комары и прочие насекомые, вся деревня вновь собирается у бочки... Но уже с черпаками.

По сигналу старейшины, который предварительно снимает пробу, начинается пиршество. Через час все напиваются в лёжку, до потери пульса, и со стороны может показаться, будто вся деревня вымерла... Если бы не храп!

– Неужели от этого пошла можно так захмелеть? Оно ж наподобие нашей браги!

– Да-да, представьте себе, можно! Два-три черпака этой самой браги валят с ног любого непальца...

– Что, неужели такая крепость у этого рисового замеса?

– Нет, товарищ полковник, брага, она брага и есть... Градусов в ней не более, чем в «Жигулёвском»... Какой-нибудь наш сантехник Потапов её иначе, как квасом, и не назовёт... Ну а с аборигенов, что с них взять? Они упиваются этой брагой до бессознательного состояния, потому что вечно голодные! Чем они питаются, тьфу! Орехи кокосовые да рис...

– Ну ты корифей, Александр Сергеевич! – резидент с восхищением посмотрел на подчинённого. – Такие подробности о местных обычаях и традициях знаешь... Не ожидал, не ожидал...

– Так меня положение обязывает, товарищ полковник, я ж как-никак – атташе по культуре...

– Да, кстати! – рассмеявшись, заметил резидент. – А как же тогда наш «Чанг» управится с таким количеством водки?!

– «Чанг», товарищ полковник, он человек, закалённый в питейных делах... Большую практику в английских пабах, то бишь пивных, прошёл... Кроме того и рацион у него побогаче, чем у соплеменников... Поэтому его не то что чанг – водка не берёт... До поры!

– Ну ладно, убедил! Будь по-твоему, назовём этого министерского хлыща «Чангом»... Экзотика, понимаешь!

Глава восьмая. Хмельная явка

Завидев на пороге кабинета Полещука с пакетом, из которого несло греющее душу мелодичное позвякивание бутылок, «Чанг» по-кошачьи ловко выпрыгнул из кресла и, раскинув руки для объятий, двинулся навстречу гостю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.